

ДЕНЬ загорался ясный и жаркий. Блестел синевой Днепр. Оживлялись улицы города. Но не было утреннего благодушия, разглядывания нового дня, не было улыбок и неторопливости.

Люди спешили озабоченно и тревожно: немцы подходили к Днепру. Начинаясь десятый день августа 1941 года. Но металлургический завод в Запорожье дышал обычным рабочим гулом.

Старший механик листопркатного цеха Иван Захарович Шлык с самого утра собрал совещание начальников служб и участков. Разговор был короткий.

— Государственный Комитет Обороны, — сказал Иван Захарович, — принял решение немедленно демонтировать прокатный стан № 2, вывезти на Урал и в кратчайшие сроки пустить его. Военному производству, как воздух, нужен наш лист.

На совещании решили вести демонтаж только днем, чтоб не привлекать внимание немцев. Демонтировать по возможности большими

На выезде из Запорожья запаслись углем. Предвидели долгую дорогу.

Скрылся из виду Днепр, сменяли друг друга поля, деревни, леса. Состав набирал скорость, начинал длинный путь вглубь страны.

Первая остановка — станция Лихая. Эшелон поставили в тупик и отцепили паровоз. Эшелонцы только-только стали привыкать, осваиваться с колесной жизнью. Обходили состав, бегали на станцию за водой. А станция напряженно пульсировала. Шли воинские эшелоны с солдатами и техникой. И все на запад. Крытые брезентовом платформе. Солдаты в новом, пригнанном обмундировании, ладные и серьезные. И от того, что техника, и от того, что солдаты в обмундировании «с иголочки», рождалось чувство надежды. Проходили битком набитые пассажирские поезда. Улыбались новое слово: беженцы. С жалостью и тревогой смотрели на этих людей с узлами и котомками, со слезами и криком штурмующих поездов. Через станци-

— Григорий, — сказал один, пряча глаза, — видел разведчика? Так что ждать хорошего не приходится. А у нас семьи. Тут ночью пассажирский должен пройти на восток, так мы решили не испытывать судьбу.

Григорий Наумович сначала растерялся. «Началось, — подумал, — без них трудней будет. Ведь электрики хорошие и оборудование стану знают, как свой карман». Какими словами удержать? Объяснить, что каждый наш лист — это спасенные жизни, это смерть врага. И надо, как можно быстрее, выдать этот лист на Урале. Впрочем, если сами сейчас не поняли, то уж и не объяснишь. Вслух сказал:

— Правильно решили, ребята. Государство у нас большое, народу много. Есть кому под пули и кому к печам. Чего же вам-то в поездах это лезть, — и отвернулся.

А утром, еще в расцветной сырой мгле, эшелон дернулся и пошел. Команда Григория Наумовича была в полном составе.

Пронесли мимо убранные и неубранные поля, опустевшие деревни, невеселые города. Что можно увидеть из двери теплушки? И все же видели. Нигде не было веселой вокзальной суеты. Ни песен, ни смеха. Исчезло и разноцветье одежды. Ши-

платформам, укрепляя оборудование. До тошноты надоела эта езда. Как морщины в дальнем плавании, упивались мечтой о земной тверди, о конечной остановке, о привычной работе.

Снова кончались деньги и продовольствие. В Кропачево поехали по испытанному адресу — в комитет партии. И снова получили помощь.

В конце февраля прибыли на Вязовую. Подкатили под вечер, и там случилось то, чего опасались весь путь: при въезде послышался вдруг глухой и сильный удар. Поезд дернулся и остановился. Оказалось, что огромная рама печи, углами выпиравшая с платформы, свалила мачту электролинии. Мачта низко висела на уцелевших проводах, мешая движению. Тут же появилось станционное начальство. Минут через двадцать откуда-то взялся трактор. Мачту оттащили, раму поправили, закрепили, а эшелон загнали в тупик. И опять наблюдали жизнь со стороны. В это напряженное время поражала четкость работы железной дороги. Никаких срывов, никакой суеты и неразберихи. Если и случались какие-то заминки, то они быстро и уверенно устранялись. Шли и шли поезда на запад, спешили поезда с запада в основном с искореженной техникой. Команда Симонюка нервничала. Все стали раздражительными. Почернели, исхудали. Симонюк решил связаться с Магнитогорском по линии связи железной дороги. Нелегко было этого добиться, но все же так получилось.

Трубку взял Григорий Иванович Носов.

— Слушаю. Я начальник особого эшелона. Оборудование предназначено для Магнитогорского комбината. Нельзя ли ускорить прибытие? Знаю о вас, — ответил Григорий Иванович, — где вы сейчас?

— На Вязовой застряли. Немедленно займусь, — сказал Носов и положил трубку.

На следующий день прилетел посланец Носова — Михаил Борисович Люблин, и особый эшелон через Челябинск 12 марта прибыл в Магнитогорск.

А двадцать восьмого июня стан выдал первый лист.

СЛЕВА за окном — солнце и заводской пейзаж, справа из-за приоткрытой двери доносится приглушенный шум цеха. Месяц май, год 1979.

— Работает, — кивнул в сторону двери человек, сидящий напротив меня, — наш запорожский стан. Как новый.

Седой ежик волос, добрые, с веселыми глазами, приветливая улыбка.

— Вы ведь всю войну здесь работали. Трудно было? — задаю банальный вопрос.

Задумался слегка. — Было. Работали, как все. Пока силы были. Работали, тем и держались. У нас вот, помню, много ребят было из ремесленных училищ. Вот кому доставалось! Дети. А работали без вытня. И спали здесь, и работали. Было и такое. Только стерлись в памяти военные тяготы. Потому что жизнь сейчас хорошая.

— А в родные места не вернулись. Не тянет?

— Все мое — в Магнитогорске, — Григорий Наумович коротко повел рукой. — Вся рабочая жизнь здесь. Прирос.

Он уже давно на пенсии, Григорий Наумович Симонюк, но еще работает. Видно, трудно расстаться с тем, во что вложены и знания, и сердце — вся жизнь.

С. ЗАЛЬМУНИН, машинист краи листопрокатного цеха.

РЕМОНТ КАЧЕСТВЕННЫЙ

Наше интервью

Наш корреспондент после завершения капитального ремонта третьего блюминга попросил ответить на несколько вопросов руководителя ремонта, начальника обжимного цеха № 3 В. В. ЖИГАЛОВА.

— Валерий Васильевич, позади пять суток напряженной работы большого коллектива на ремонте третьего блюминга. Как Вы оцениваете результаты этой работы?

— Если не вдаваться в подробности, в чисто технические детали, можно сказать так: ремонт провели неплохо. Что касается сроков — на восемь часов мы запаздывали, превысили плановый график ремонта. Дело в том, что участникам ремонта пришлось выполнить множество работ, не предусмотренных первоначальным графиком. Сроки были предельно сжаты, стояла задача выполнить все намеченное за пять суток. Насколько сложна была эта задача, можно судить по такому примеру. В 1975 году аналогичный ремонт проводился на этом же блюминге. Но тогда объем работ был меньше, а сроки больше — семь суток. Накопленный и осмысленный специалистами опыт очень пригодился теперь.

Правда, уже в самом начале ремонта его руководители сомневались, удастся ли решить все намеченные задачи за столь короткое время. Но серьезная подготовка, большая работа общественного штаба сделали доброе дело. Участники ремонта хорошо знали свои обязанности, неплохо взаимодействовали между собой. Положительную роль сыграли коммунисты всех заведений, вовлеченных на ремонт организации.

Как руководитель ремонта, с удовлетворением вспоминаю готовность выполнить любое неожиданное задание, не предусмотренное графиком, которую проявили многие участники ремонта. Коллективу специализированного ремонтно-строительного управления № 6 пришлось выполнить немало дополнительных работ. А выполнять их надо было по возможности в прежние, утвержденные сроки. И при этом обеспечить высокое качество, вовремя представить фронт смежным организациям. Хорошо работали монтажники Уралдомремонта и Прокатмонтажа.

— Вы упоминали о том, что опыт подобных ремонтов на комбинате уже есть...

— Да, я имею в виду аналогичный ремонт этого же блюминга. Но на этот раз, в отличие от предыдущего ремонта, мы «раздели» практически все клетки, чего не было на прежнем ремонте. Демонтировали и восстановили оборудование вокруг клеток, а этого тоже тогда не делали. И, наконец, теперешний ремонт выполнен в гораздо более сжатые сроки. Опыт этого ремонта тоже окажется полезным в будущем.

— Валерий Васильевич, кого из участников ремонта можно выделить особо?

— Хотелось бы сказать, что трудно найти человека, не понимавшего бы своей роли в ходе пятисуточной вахты. Но были, конечно, и признанные лидеры. Если говорить о тех, кто вел чистку, демонтаж, а потом и монтаж оборудования непосредственно в цехе, я бы назвал прокатмонтажников, весь коллектив цеха ремонта металлургического оборудования № 2, десятки имен работников смежных цехов комбината и их руководителей. Они оказали нашему

коллективу колоссальную помощь.

— Если в целом говорить о ремонте, можно ли считать, что он отличался лишь сроками и объемами работ?

— Едва ли. Например, в ходе ремонта впервые на комбинате применено новшество. Разработанная во главе с начальником отдела управления главного механика Я. А. Рузиным фрезерная машина очень помогла ускорить обработку многих деталей. Фрезерная машина по проекту группы Рузина была изготовлена в цехах УГМ, а затем смонтирована возле стана. Таких машин на ремонтах блюмингов еще не было не только у нас на комбинате, но и, пожалуй, в отрасли. Первый опыт показал высокую эффективность этой новинки. Думаю, что в будущем фрезерная машина найдет широкое применение на подобных ремонтах.

Другой пример. Я уже говорил, что по ходу дела приходилось выполнять непредусмотренные вначале работы. Но надо учесть, что прежде, чем к ним приступить, предстояло подготовить проектное решение. Так вот, группа работников проектно-конструкторского отдела комбината во главе с заместителем начальника отдела И. В. Томасом, как говорится, дневала и ночевала на ремонте. Когда мы убедились, что рубка старого бетона на фундаментах грозит сорвать все сроки ремонта, проектировщики помогли принять решение о взрывах. Серия взрывов, проведенная в условиях, когда цех насыщен оборудованием и механизмами, помогла войти в график. Здесь я вижу существенную помощь проектировщиков. Начальник РСЦ А. Я. Центнер обеспечил быструю подготовку взрывов.

Или, например, такой факт. Неверное проектное решение грозило срывом ремонта вообще, если бы подливка бетона велась в соответствии с этим решением. Тогда группа И. В. Томаса исключительно быстро нашла выход из положения. Техологическое бетонирования изменили, и работы вновь вошли в нужный ритм...

Эти примеры лишний раз говорят о важности четкого взаимодействия не только в ходе подготовки, но и во время выполнения работ. Еще раз хотел бы с удовлетворением отметить высокую плодотворность контактов, существовавших во время ремонта. Во многом этому способствовала работа штаба капитального ремонта, руководимого начальником отдела УГМ Ю. Н. Блиндером. Штаб объединил и направил к достижению единой цели многосотенный коллектив участников кампании.

Общественный штаб капитального ремонта третьего блюминга еще подведет окончательные итоги, назовет победителей всей пятисуточной вахты. Я же сегодня хотел бы от имени коллектива третьего обжимного цеха поблагодарить всех участников ремонта за огромную и качественную работу. Сегодня обновленный блюминг наращивает темпы, его коллектив стремится уже к исходу недели выйти на плановый уровень производства.

Беседу провел С. КУЛИГИН.

ОСОБЫЙ ЭШЕЛОН

узлами. Начать сегодня же. Начальником участка демонтиража был назначен Григорий Наумович Симонюк.

— Берите людей сколько надо из эвакуированных рабочих и начинайте, — заключил Шлык, обращаясь к Симонюку.

— И еще, — добавил Иван Захарович, — через три дня уходит последний эшелон с семьями рабочих. Советую поторопиться. Все.

И начался скоростной демонтаж. Все понимали важность и срочность дела и через восемь дней уже снимали последний узел. Погрузив, формирование эшелона, и в начале сентября Шлык вызвал Симонюка к себе.

— Семейку отправили, Григорий Наумович?

— Нет. Со мной они решили остаться. Никакие разговоры не помогли.

Иван Захарович устало провел рукой по лицу.

— Плохо это. А, может, и хорошо, — добавил через секунду. — Вы назначены начальником эшелона, Григорий Наумович. В помощь вам — еще шесть человек. С семьями. Будете сопровождать оборудование до места. Станцию назначения узнаете в пути. Груз идет по линии НКВД.

Деятого сентября все дела и оформления были закончены, и Григорий Наумович вместе с семьей переехал в теплушку эшелона. Устроился и с двумя помощниками, Масловым и Жигулевым, отправившись вдоль состава. Придирчиво осмотрели каждую платформу, проверили. Все вроде бы было уложено, прочно закреплено. Но смущали некоторые негабаритные детали: они углами высовывались за края платформы.

Маслов покачал головой: — Мда... Смотреть да смотреть надо.

Десятого сентября из депо вышел огромный паровоз «ФД», пристроился к эшелону, и через час тронулись.

Покидали родные места, и никто не знал, придется ли вернуться. И что будет там, в неизвестном. Но не думали об этом. Война входила в существо человека и перекраивала чувства и понятия,

онную жизнь открывались размеры войны.

А однажды утром у перрона вытянулся санитарный поезд. Некогда зеленые вагоны с красными крестами, а теперь почерневшие и обшарпанные, больно и резко усилили чувство войны. Задержанные белыми занавесками окна, тишина, недвижность. Сразу же из вагонов вынеслись десятки накрытых простынями носилок, да две женщины в белых халатах торопливо пробежали в последний вагон. И никто больше не вышел, не выглянул. Плавно потянул паровоз, и, набирая скорость, поезд растаял за последней стрелкой.

Симонюк с товарищами молча смотрели вслед. Суровы были лица. Сердцем почувствовали за слепыми белыми окнами вагонов боль и кровь людей. Товарищей. Сограждан.

Стояли на Лихой уже двадцатый день. Симонюк решил обратиться к начальнику управления НКВД. С трудом удалось связаться с управлением по телефону. Густой негромкий голос ответил: «Слушаю вас».

— Моя фамилия Симонюк. Я начальник особого эшелона...

— Минутку, — прервал голос, — и через минуту продолжал: — да, у нас есть о вас сообщение. Что случилось?

— Мы уже двадцать дней стоим здесь, на Лихой. Я понимаю обстановку, но и у нас груз не второстепенный...

— Хорошо, — прервал голос, — я свяжусь с дорогой.

Симонюк вернулся к эшелону и уже хотел подняться в теплушку, но какой-то заунывный звук привлек внимание. Поднял голову. Над станцией высоко в небе плавала «рама». Немецкий самолет-разведчик. Все, кто был в это время на станции, смотрели вверх. «Рама» покрутилась минут пятнадцать и исчезла.

— Дела, — вслух размышлял Григорий Наумович, стоя у теплушки, — накроют здесь — и кончится командировка. Сегодня вряд ли, к вечеру дело, а завтра — чем черт не шутит.

Подождали двое из помощников,

нели и телогрейки. Все темное, серое. Молчаливый, торопливый люд.

В сырую туманную погоду прибыли на какую-то станцию и — опять в тупик. Узнали, что это Морозовская, на сталинградском направлении. Торчали на Морозовской две недели. Обвыклись уже в теплушке. Приноровились к толчкам и тряске. Но подергивала часто мысль о том, что они, специалисты, в такое время не у дел и, черт его знает, сколько еще будут в «подвешенном» состоянии.

В январе 1942 года — Сызрань. Сорок три градуса мороза. Все стыло, звенело. Паровоз едва тянул — замерзали буксы. Крепезная проволока рвалась при малейших толчках. Приходилось крепить заново, а одежда не рассчитана на такие температуры. Кляли все на свете, едва шевеля замерзшими губами. В теплушке угля не жалели, но в дальних углах все равно стоял холод.

А тут еще одна беда: кончились деньги, кончилось продовольствие. Вражина голод мелькнул грозным призраком. Долго думали, что делать, и решили обратиться к местным властям. Без особой надежды, правда. Время для всех было и холодное, и голодное. Но в горькое партия быстро все поняла и без лишнего слов через горисполком выделили минимум денег и талоны на хлеб в местный эвакупункт. Эвакупункты эти были явлением совершенно новым. Еще в первые недели войны ПКО почти на всех станциях развернул пункты по приготовлению горячей пищи и продаже продовольствия для мирных жителей, уходящих от войны, а проще говоря — для беженцев. Эта забота, конечно же, была неоценима.

В Сызрани узнали, что едут в Магнитогорск, а сколько дней до него — неизвестно. Наконец выехали со скрежетом и скрипом. Состав толкали два паровоза. Надвигались, громко шипели паром, но потихоньку разогнали. Мерзлые буксы нагрелись.

Так и ехали дальше. Недоедали, мерзли, лазали по